

Руки Цзин Юнь Чжао были настолько тонкими и худыми, что создавалось впечатление, что ее руки сломаются от малейшего усилия; просто глядя на ее хрупкую фигуру, сердце человека трепетало от горя.

Поскольку у нее была светлая кожа, сигаретные шрамы были более заметны, с первого взгляда можно было увидеть семь-восемь сигаретных шрамов, разбросанных вокруг ее рук, которым было несколько лет. Вдобавок к тому, что она могла получить серьезные травмы, когда ее обожгло сигаретой.

При виде сигаретных шрамов репортер, задававший вопросы, потерял дар речи.

16-летняя девушка в расцвете сил, но у нее такие заметные шрамы? Неудивительно, что она носила такую консервативную одежду.

С этими словами репортер сглотнул и убрал микрофон.

Вокруг стало так тихо, что было слышно, как падает булавка.

Группа людей никогда не сталкивалась с такой странной ситуацией, они шли большой группой, чтобы найти неприятности для маленькой девочки, но вот они здесь, и каждое их замечание опровергается до такой степени, что они теряют дар речи. Когда девочка говорила, её слова обладали какой-то силой, вызывая чувство вины в сердцах слушателей. Когда она говорила, то не кричала и не плакала, а только говорила с легкой улыбкой на лице, заставляя группу людей теряться в словах.

Обычно, когда группа репортеров брала интервью у кого-нибудь, обвиняемый начинал плакать, чтобы показать, насколько жалок и обижен он был, когда видел в камеру, виновен он или нет.

Однако действия Цзинь Юнь Чжао были слишком ненормальными.

— ЦЗИН ЮНЬ ЧЖАО! Хватит нести чушь! Как ты можешь быть такой злой? Если тебя действительно обидели, почему ты никому об этом не сказала?! Вместо этого, теперь ты говоришь глупости перед таким количеством людей, ты действительно неблагодарная! — крикнул Сяо Вэй Мин, указывая на Цзин Юнь Чжао.

— Я не нашла помощи ни от кого другого, так как знала, что они не могут позаботиться о том, чтобы помочь мне. Добавим к этому тот факт, что в сердце каждого человека ты не можешь сделать ничего плохого и всегда прав только потому, что решили сделать доброе дело более десяти лет назад, даже если ты совершил так много отвратительных поступков, они не будут винить тебя. Вот почему я хранила молчание, — возразила Цзин Юнь Чжао.

Однако теперь все было по-другому, так как репортеры были подобны обоюдоострому мечу; если они могут погубить её, то могут погубить и семью Сяо.

Услышав, как Цзин Юнь Чжао с улыбкой говорит о таких душераздирающих вещах, зрители почувствовали боль в сердцах.

Между тем, слезы Су Чу продолжали течь, так как она чувствовала себя очень обиженной за Цзин Юнь Чжао, в то время как глаза Сяо Хай Цин были красными, когда она увидела сходство со своим отцом, которого не было рядом с ней, когда она смотрела на Сяо Вэй Мина.

— Э... Это неправда, зачем ты так поступила со мной, сестра? Ясно, что все эти фотографии-подделки, сделанные тобой... — сказала Сяо Хон Е, плача и жалобно качая головой.

— Подделка это или нет, ты все можешь пойти в полицейский участок и спросить, права ли я!
— холодно сказала Цзин Юнь Чжао.

Сяо Хон Е почувствовала, как её ноги превратились в желе, когда она услышала, что сказала Цзин Юнь Чжао.

Почему ситуация развивается в противоположном направлении? Когда это Цзин Юнь Чжао стала такой красноречивой? Как она может сохранять спокойствие, когда перед ней столько людей?

Кроме того, все эти фотографии, зачем ей носить их с собой?

Все, что требовалось, — это чтобы Цзин Юнь Чжао сказала что-то не то, и тогда это было бы выгодно для меня. На самом деле, если бы она отругала репортеров, а потом немного поплакала и не была так спокойна в своих ответах, то слухи о ее нефилимстве распространились бы до такой степени, что она не смогла бы очистить свое имя, даже если бы у неё было пять ртов. Это был бы шанс для меня очистить свое имя и ещё больше запятнать её репутацию!

И все же конечный результат был таким?

Сяо Хон Е была ошеломлена их глупостью, в то время как Сяо Вэй Мин все еще не полностью осознал ситуацию. Хотя он был сбит с толку, он знал, что не сможет победить Цзин Юнь Чжао в битве умов, поэтому он схватил ближайшего репортера и закричал:

— Почему ты все еще позволяешь ей нести чушь? Скажи ей, чтобы она подумала о своих действиях и извинилась?!

Губы репортерши дрогнули, затем она отошла в сторону, чтобы дать остальным пройти.

Я больше не имею права задавать никаких вопросов, дайте мне сначала переварить информацию, которую дала Цзин Юнь Чжао, а потом мы сможем поговорить!

Кроме того, репортерша была по-настоящему потрясена, когда увидела шрамы на ногах и руках Цзин Юнь Чжао. Ей же было всего 16! Репортерша не могла понять, как ребенок мог вытерпеть такое насилие...

<http://tl.rulate.ru/book/4439/1292307>